

Николай РОМАНОВ

ЭКСПАНСИЯ

*Нет лучшего на свете приключения,
Чем пережить больному курс лечения.*

Из фольклора медиков Галактического Корпуса

Книга первая. ПИТОМЕЦ «ЛЕДОВОГО РАЯ»

*Рви сопло или не рви —
Лишь пистоны от любви.*

Триконка Кирилла Кентаринова

1

Смех родился, как утро на Луне — в одной точке, — и побежал расходящимися волнами по всему столовняку, откровенный, радостный и звучный. Смеющиеся не сдерживались. Тут же над столами прокатилась еще одна волна — одинаковых движений. Еще не закончившие обед курсанты, оторвавшись от тарелок, поворачивали стриженные репы в сторону умывалки, но за спинами сгрудившихся у дверей товарищей, разумеется, ничего не было видно. А хохот разрастался, будто снежная лавина.

— Над чем они гогочут? — вскинулась Ксанка, откладывая вилку.

— Я не в теме, — с привычной готовностью ответил Артем.

С некоторых пор любой Ксанкин вопрос сделался для него приказом к немедленному изложению ответа. Даже если ответа не было...

Кирилл же, подбирая корочкой хлеба остатки гуляшной подливки, лишь плечами пожал.

«Эти вкусные мясные кусочки в соусе...» — вспомнил он слоган модного в последнюю декаду рекламного клипа и хмыкнул. Почти про курсантов ГК...

— Я слетаю, посмотрю? — спросил Артем, по-прежнему глядя на Ксанку.

— На активный выхлоп, Спирюшка, — сказала та, снова берясь за вилку. — Народ ведь мимо мишеней ржать не станет.

Артем вскочил и кинулся к умывалке.

Кирилл посмотрел ему вслед и подумал, что Спиря без одобрения Ксанки шагу не ступит. Надо полагать, втюрился в метелку по самые локаторы!..

— Ты сегодня опять какой-то душный, Кир, — сказала Ксанка, поворачиваясь.

— Душный не бездушный. — Кирилл вновь пожал плечами. — Война — муйня, главное маневры.

— Его дерьмочество достало? — тон Ксанки сделался участливым.

Его дерьмочество и в самом деле достало. Вчера вечером перед отбоем опять к себе вызывало. Воспитывало. «Боец ГК, курсант, должен быть добрым по отношению к товарищам, а вы как крыса корабельная...»

И где это капрал на кораблях крыс видел? Их, говорят, давно на жрачку пустили, в котлы ГК...

Да уж, достало Его дерьмочество!.. Но не хватало еще Кириллу метёлкиной жалости!..

— Все в зените, Ксана, не срывай сопло! — Он постарался, чтобы в голос не

пробилась охватившая душу злоба. — Я башни не теряю.

Ксанка кивнула, будто соглашалась неведомо с чем. Разве лишь с самой собой. Потому что все Кирилловы намеки всегда пролетали мимо ее ушей.

Вот и сейчас — наколола на вилку кусок мяса и трескает, как ни в чем ни бывало.

Вернулся Артем:

— Там наш неведомый Пушкин свою очередную «гмыровиршу» вывесил.

Кирилл повернул голову в его сторону:

— Ну и как?

— Задом об косяк! — Артем кусал губы, изо всех сил пытаясь не рассмеяться. — Естественно, про Дога, и по-прежнему в точку. Короче, сами прочтете!

Доедали завтрак под продолжавшийся смех народа.

Кирилл не отрывал глаз от тарелки, но чувствовал, что Ксанка то и дело принимается изучать его физиономию, и хмурился.

Ну что ей, в конце концов, от него надо? Хоть бы поесть спокойно дала, метла безбашенная!.. Верно говорит прапор Оженков — если баба стреляет в тебя из парализатора, это одно, а если глазками, это совсем другое... Ей надо. И всему миру известно — что!

Наконец было покончено со знаменитой последней частью кулинарного «галактического корпуса» — компотом, — и троица, отставив стаканы и сыто отдуваясь, поднялась из-за стола.

— Ну что, заценим? — Ксанка опять пялилась на Кирилла.

Тот снова пожал плечами, но двинулся к умывалке. Честно говоря, он бы хоть к дьяволу отправился, лишь бы метелка не смотрела на него вот так, с недоверчивым ожиданием. Будто он ей чем-то обязан или что-то обещал...

Артем пошел следом за ними: он хоть и видел уже эту виршу, но ему очень хотелось понаблюдать за реакцией друзей. Особенно, разумеется, — за реакцией Ксанки...

Столпотворение иссиня-черных мундиров перед умывалкой закончилось, и троица вошла внутрь без толкотни.

Триконка висела так, что ее многочисленные отражения в зеркалах создавали бесконечную цепочку переливающихся четырехстрочий:

Ротный Гмырюшка-капрал

Вот что отчебучил!..

Когда ванну принимал,

Телочку отдрючил.

Последняя строчка звучала для постороннего уха очень странно. Такие выражения Артем любил — он вообще увлекался старинными русскими словечками, время от времени пытаясь перевести их на инглиш и теряя при переводе всю смысловую прелесть, — но Артему ни в жизнь не создать такой триконки. Впрочем, подобное выражение мог использовать всякий, кто был знаком с Артемом Спиридоновым и русским языком, а таких в «Ледовом раю» — пруд пруди, как опять же говаривал Артем...

— И кого же это он, интересно, отдрючил? — тут же спросила Ксанка.

— А ты разве не в теме?! — удивился Артем. — Да Сандру же Каблукову!

Ксанка смерила его взглядом и фыркнула:

— Неужели, Артюшенька, она тебе сама об этом трепанула?

— Нет, конечно... Но ведь все в теме, Заича! Весь взвод...

— Рота, смир-р-рна-а!!! — раздался сзади громовой бас.

— Ну вот, здрас-с-сьте, вы не ждавши, а мы притопамши... — тихо пробормотала Ксанка.

В столовую собственной персоной ввалился господин ротный капрал Гмыря, он же Димитриадий Олегович, он же Дог, он же Его дерьмочество... Ростом под два с половиной

метра; как в старину говорили — косая сажень промежду плеч; бритый череп похож на гигантскую коленку, а иссиня-черный китель сидит на нем, как влитой...

Курсанты мгновенно застыли по стойке «смирно» — каблуки армейских ботинок вместе, носки врозь, лапё по швам, грудь колесом.

Гмыря уже знал о происшествии, поскольку проследовал прямым курсом в умывалку, медленно ознакомился с мерцающей триконкой, недовольно хрюкнул, будто кабан перед кучей подгнивших желудей.

— И чьих же это рученок дело, дамы и господа?

Гмыря всегда называл курсантское лапё ручонками.

Дамы и господа скромно помалкивали, поедая глазами пространство перед собой. Заметь Дог, что кто-то хотя бы скосил глаза в его сторону, наряда не миновать!

— Так чье же, мать вашу за локоток!

Молчание продолжалось.

Когда оно сделалось совсем тягостным, Гмыря достал из нагрудного кармана кителя магнитную стиралку.

Триконка перестала танцевать в воздухе и переливаться. А потом по умывалке разнесся горький плач смертельно обиженного ребенка.

Капрал едва стиралку не уронил.

— Дядя Гмыря, пощади, — сказал плаксиво чей-то гнусавый голос. — В карцер бяку посади.

Триконка оказалась очень даже непростой. Автор снабдил видеоформу акустическим сопровождением.

Опешивший поначалу капрал быстро разобрался, в чем дело. Приподнял стиралку, оценил параметры стабилизирующего поля, коснулся сенсоров, изменяя уровни, и триконка прекратила гнусавить. А еще через пару секунд замерла, поблекла. И безвозвратно растаяла в воздухе.

Гмыря снова хрюкнул, на этот раз довольно (видно, желуди оказались свежее, чем он ожидал), и положил стиралку в карман. Подошел к Артему, пристально посмотрел ему в лицо. Потом медленно, словно орудийная башня главного калибра, развернулся в сторону Кирилла. Внимательно изучил его физиономию.

Перебрался к Ксанке. Здесь процесс изучения принял более обширный и серьезный характер — после Ксанкиного лица Дог долго рассматривал ее шею, а потом и грудь, которая в силу естественных причин оказалась выпяченной куда больше, чем у парней.

Ксанка не выдержала пронизывающего взгляда, поежилась.

— Наряд вне очереди, дамочка! — тут же отозвался капрал. — Мне твои бабьи комплексы до фомальгаута! Здесь ты не женщина, курсант Заиченкова, а будущий боец Галактического Корпуса. И либо ты у меня по стойке «смирно» станешь стоять смирно, либо вылетишь в безмундирники! Ясно?

— Так точно, господин ротный капрал! — звонким голосом отозвалась Ксанка. — Есть наряд вне очереди, господин ротный капрал!

Дог снова принялся поедать глазами ее грудь, и Ксанка опять поежилась. Но ротный, похоже, уже удовлетворил начальственный зуд. Продолжения раздачи дополнительных нарядов не последовало, капрал выплыл из умывалки.

Ксанка тут же сгорбилась и передернула плечами.

— С-сучина отстыкованный! — выругалась она шепотом.

Артем несмело погладил ее по плечу. Ксанку вновь передернуло.

А из столовой раздался новый рык Дога:

— Рота, стр-р-ройсь!

Троица выскочила из умывалки.

Еще не покинувшие столовую курсанты, оставив стаканы с недопитым компотом, неслись к фронту построения, который ротный капрал задавал отведенной в сторону левой рукой. Процесс затруднялся тем, что в столовке находилась не вся рота, и

приходилось на ходу соображать, кто за кем должен стоять.

Покинутые столы и стулья тут же поглощали посуду и вливались в пол.

Наконец построение завершилось.

Капрал шагнул вперед, развернулся к курсантам лицом:

— Р-р-равняйсь!

Кирилл повернул голову и уставился на грудь третьего справа. Вернее, на могучие груди третьей справа, потому что это была ефрейтор Сандра Каблукова, которую в роте называли не иначе как Громильшей.

— Сми-и-ирна-а!

Курсанты пронзили взглядами пространство перед собой.

Дог прошелся перед строем, переводя злобный взгляд с одного юного лица на другое.

— Вот что, мерзавцы, — сказал он. — Даю вам всем время до завтрашнего утреннего построения, мать вашу за локоток. Если к этому моменту вонючий стихоплёт... этот жалкий ублюдок... этот моральный диверсант... не явится ко мне с признанием, вы, дамы и господа, пожалеете, что ваши мамашки выпустили вас из своих детородных органов на свет божий. Можете передать мои слова отсутствующим. Всем всё ясно?

— Так точно, господин ротный капрал! — громыхнули дамы и господа.

Догу этот гром не приглянулся.

— Отставить, дамы и господа, почему не дружно?.. Еще раз... Всем всё ясно?

— Так точно, господин ротный капрал!

У строя сейчас была самая настоящая единая глотка.

Но команда «Р-р-разойдись!» последовала только после пятого повтора.

2

После завтрака и обязательного перекура прапорщик Оженков повел свой взвод на занятия по стрелковому вооружению. Учебные планы предписывали изучение легкого вакуумного гранатомета «Комар-5у», хотя, по слухам, это оружие в первых боях разгорающейся войны пока не использовали. Хватало индивидуального трибэшника, как среди курсантов (да и не только курсантов) назывался БББ — бластер ближнего боя.

На учебу обычно шагали не в строю. Считалось, что при ходьбе вольно освобождается чувство фантазии, без которого на занятиях не обойтись. А строевой подготовки и так хватало.

По дороге Ксанка очутилась рядом с Кириллом (при ходьбе в строю она оказывалась далеко позади). Даже сигарета «Стрелец» не успокоила метелку — у той все еще дрожали губы от испытанного унижения.

Честно говоря, Кириллу было ее не слишком жалко — он всегда считал, что девицам не место в Галактическом Корпусе, но такое мнение было нарушением их гражданских прав, и он бы никогда не произнес этого вслух. Ксанка-то промолчит, но найдутся те, кто и в суд может подать за половую дискриминацию. Даже выраженную всего лишь словами... Впрочем, именно дискриминация тут только на словах и существует. Все остальное в расчет не берется. Каждая из девиц (как и всякий из парней) при зачислении подписывала обязательство о полном подчинении вышестоящим начальникам. Поэтому теоретически Дог вполне мог стыковать их при индивидуальных раздачах наряда. Происходило ли это на практике, Кирилл не знал. Разумеется, никто из метелок распространяться об этом не станет. Дог спит и видит, чтобы выпереть их из Корпуса, он из тех, кто ни в коей мере не оправдывает всех этих нововведений. «Как будто Корпус не сможет справиться с Вторжением без бабья!»... Кирилл не раз слышал, как Гмыря произносит эту фразу. Презрительно, с безразличной усмешкой...

Гмыре вообще многое из происходящего не нравилось. Однажды Кирилл отбивал

наряд, убирая кабинет ротного (для таких дел вроде бы существовали киберы, но их никто днем с огнем не видел — они якобы находились на профилактике; да и зачем они, если курсантов надо чем-то занимать?), и слышал, как тот разговаривал по видеопласту с кем-то из своих приятелей-капралов. И оба долбали нововведения в хвост и в гриву, как по-старинному выражался Спирия.

Раньше бабье и на пушечный выстрел к Корпусу не подпускали, а теперь каждый третий курсант в строю с оттопырками как спереди, так и сзади... Раньше колеса давали курсантам, чтобы не хотели, а теперь курсанткам, чтобы не залетели... У начальства совсем башни с курса свернуло... Слава Единому, удалось отстоять порядок, чтобы никаких открытых любовных интрижек не было, а то ведь по плацу в обнимку ходить начнут или среди бела дня тискать друг друга... Не-е, друг мой, куда-то не туда мы катимся, скоро над Корпусом вся Галактика смеяться будет... Помяни мое слово, бабье погубит Корпус! Вот кто настоящие монстры...

— Правильно про него вирши сочиняют! — нарушила, наконец, молчание Ксанка.
— С-сучина отстыкованный!

— Не поджаривай ботву! — сказал Кирилл, чтобы хоть что-то сказать. — Другие капралы ничем не лучше нашего, уж поверь мне.

Справа, у входа в имитаторный класс, висела триконка «Курсанты и курсантки! Равнение на флаг! Неугомонный, хваткий, не дремлет всюду враг!»

Спирия утверждал, что сочинитель использовал строки старинного русского поэта по имени Блок.

Такие пропагандистские триконки парили повсюду. Над входом в спортивный зал нависала пятиметровая оранжевая «ГК — это сила и мужество!» Возле столовой («ГК — это гуляш и компот!») — Спирия как-то сказал фразу, ставшую в «Ледовом раю» знаменитой), во всю стену, алая «Вступив в наши ряды, ты обретишь славную судьбу». А над табличкой «Капральская. Курсантам без вызова вход запрещен» совсем скромная «ГК — наш могучий щит». Последняя была сиреневой. Видимо, у лагерного дизайнера враги ассоциировались с сиреневым цветом. Хотя в имитаторном классе монстры-ксены в основном были зелеными, под цвет листвы, либо желтыми, под цвет песка.

— Интересно, кто такие курсанты с вызовом, — сказал Кирилл.

— Чего? — не въехала Ксанка.

Кирилл кивнул на табличку:

— Раз существуют курсанты без вызова, то должны быть и с вызовом.

До Ксанки, наконец, допёрло, и она невесело усмехнулась.

Самая большая триконка висела над штабом. На ней был изображен курсант в полевой форме и боевом шлеме, с трибэшником в лапах, обладатель узкой талии и широченных плеч, которые могли принадлежать как обрезку, так и метелке.

Однако главным на триконке был вовсе не курсант, главное находилось слева от него и занимало большую часть видеоформы:

Законы курсантов учебного лагеря Галактического Корпуса

Курсант — честный и верный товарищ, всегда смело стоящий за правду

Курсант предан Земле, Человечеству и делу Галактического Корпуса

Курсант равняется на отличников учебы и боевой подготовки

Курсант готовится стать бойцом Галактического Корпуса

Курсант готовится стать защитником Человечества

Курсант готов грудью защитить боевого товарища

Курсант терпелив и хладнокровен

Курсант чтит командиров

Курсант смел и отважен

Абрис строчек напоминал десантную баржу в поперечном разрезе.

Гигантская триконка была снабжена кольцевым транслятором, так что ее было видно с любой точки внутри Периметра.

«Дьявол и девять заповедей», — как-то сказал Спирия.

«Заповеди вижу, — сказал Кирилл. — А где дьявол?»

«А дьявол — тот, кто все это придумал».

Спирия был странный обрезок.

Одним из нарядов для курсантского состава была подзарядка триконок-лозунгов на очередной срок действия. Хороший наряд, много приятнее уборки туалетов, что доставалась Кириллу пару раз... За пределами «Ледового рая» он бы произвел подзарядку триконок вдвое быстрее, чем большинство приятелей. Впрочем, логичнее было бы и вообще иметь самоподзаряжающиеся триконки с самыми примитивными фотоэлементами.

Но в лагере никому не требовались быстрота и логика, в лагере требовалось заполненное работой время. А несогласные с таким порядком могут топтать откуда пришли, на ваше место, дамы и господа, желающие найдутся, мать вашу за локоток! Вы же попробуйте-ка на гражданке отыскать работу, за которую платят такие бабулики...

Подошли к учебному корпусу. Приказа «По классам» еще не было. Остались на улице, снова закурили.

— А интересно, — Ксанка заглянула Кириллу в лицо и покрутила в руках незажженную сигарету, словно не знала, что с ней делать, — кто вывешивает все эти вирши про Дога?

Кирилл дал ей прикурить и пожал плечами:

— Не в теме. Вообще-то многие из наших способны.

— Предыдущая вирша была покруче. — Ксанка затянулась, выпустила изо рта колечко дыма, потом фыркнула и продекламировала: — «У капрала Мити Гмыри между ног две круглых гири, перед гирями конец: голова — сплошной свинец». — Она опять фыркнула.

— Да, в точку придумали! — согласился Кирилл.

Триконку с этим стихотворением удалось вывесить на прошлой неделе прямо в имитаторном классе. Создать ее было гораздо сложнее, поскольку под строками висели и эти самые... гири и свинец. Нежно-розового сосисочного цвета. Правда, без акустического сопровождения, ибо это было бы уже слишком тяжеловесно...

— Над кем ржете? — Как обычно, стоило Ксанке приблизиться к Кириллу без общества Спири, рядом оказывалась Сандра Каблукова. — Над Гмырей?

— Над твоими мускулюс глютеус максимус¹, — ответила Ксанка самым своим ядовитым тоном (она перед тем, как собраться в лагерь, закончила курсы медицинских сестер и немного знала латынь). — Интересно, на каких тренажерах развиваешь?

Оказывается, в этих пределах знала латынь и Сандра, которая презрительно ухмыльнулась:

— А что, завидки девочку берут? На твои-то два кулачка ни у одного не поднимется! — Она мимоходом глянула на Кирилла: как тот оценил подколку?

Кирилл счел за лучшее не брать ни чью сторону и отвернулся.

Конечно, Сандра была не права: Ксанка была фигуристой метелкой, в ней всего в меру, в отличие от Громильши, отличающейся высоким ростом, широченными плечами и объемистыми буферами. Но высказать такое мнение значило подбросить хворосту в пламя разгорающегося конфликта. И так сверкающих глазами курсанток скоро придется растаскивать, а для Ксанки схватка с Громильшей запросто может закончиться госпитальной койкой.

¹ Musculus gluteus maximus — большая ягодичная мышца (лат.).

Он же, Кирилл, будет выглядеть идиот идиотом...

Конфликт погасил Спира. Подлетел, схватил Ксанку за руку:

— Имей в виду, когда пойдешь к Догу за нарядом... Он может затащить в ванну и тебя!

— Ее не потащит, она в любой ванне утонет, — фыркнула Сандра, перестала играть желваками на щеках, пригладила ежик стриженных волос, выбросила сигарету в урну и величественно отправилась к входу в учебный корпус.

Ксанка отпихнула Артема; выпятив челюсть, посмотрела на Кирилла, но тот сделал вид, будто ищет кого-то, подчеркнуто повернувшись спиной к уходящей Сандре.

Честно говоря, его раздражало, что Артем так серьезно озабочен судьбой Ксанки. В принципе, конечно, Спирино беспокойство понятно, но метелка должна уметь сама за себя постоять. В конце концов, курсанты готовятся стать солдатами, и тут сопли ни к чему. Пристанет к тебе с принуждением ротный капрал, врежь ему в... эти самые гири. А потом подай рапорт вышестоящему начальнику. На приказы, с которыми не согласны, всегда подают рапорта. Правда, тут не приказ, а действие... Короче, сучка не захочет — кобелек не вскочит! А в общем, курсанткам прозас дают, чтоб не залетели. Сам же стык мало чем отличен от танца. Просто трутся иными органами. И вообще, дамы и господа... Для капрала распластать метлу — что дать в лоб обрезку-курсанту. Это Галактический Корпус, а не детский сад, мать вашу за локоток!.. Но Артем, похоже, в последнее не въезжает. Потому и ходит вокруг Ксанки, как кот вокруг валерьяны. И хочется, и колется!.. Проще надо быть. Если деваха тебе не по барабану, дождись личного часа, заведи ее куда-нибудь в укромный уголок, прихвати за ананасы, стащи штаны и сделай так, чтобы она не зря принимала прозас...

— Не пидай на зенит, а то в башне зазвенит! — сказала Ксанка Спири, выбросила окурок и нагнулась, поправляя магнитные застёжки на ботинках.

Она плохо загорала, и околоштековый пяточок над левым ухом казался немигающим птичьим глазом, удивленно вперившимся в Кирилла. Другой, надо полагать, смотрел в песчаную дорожку, возле которой стояла урна.

— Я перед Догом в сучью стойку не встану, — добавила Ксанка, выпрямившись. — Не такой я паренек, Артюшенька!

И Спира засиял, будто внеочередное увольнение получил.

А Кирилл еще больше обозлился.

3

Злоба в душе Кирилла Кентаринова жила сызмальства.

Скорее всего, потому что у него не было матери. Вернее, мама-то у него, ясно, имелась, да вот только он ее совершенно не помнил. Осталось лишь призрачное ощущение присутствия рядом чего-то огромного, мягкого и теплого. Чего-то хорошего и вкусного. Наверное, это была мама. То есть, конечно, это была мама! И, наверное, материнское молоко...

Чаще всего это ощущение приходило во сне. И всякий раз было тепло и мягко. А просыпался Кирилл с другим ощущением — гигантской, бесконечной, невыносимой потери. Эта потеря рождала жалость к самому себе, а жалость уже через несколько минут превращалась в злобу по отношению ко всему белому свету.

Кирилл не помнил не только маму. У него не отложился в памяти момент, когда его привезли (или привели?) в приют.

Первое воспоминание было уже в приютских стенах.

— Здравствуй, малыш! Как тебя зовут? — Певучий голос, в котором ничего нет, кроме радости.

— Килил.

— А меня Мама Зина. Я буду твоей воспитательницей. — Высокая женщина в

белом платье (это потом Кирилл узнал, что такое платье называется халатом и его носят не только воспитательницы, но и врачи) протягивает новичку конфету. — На-ка!

Тот с восторгом, едва ли не притоптывая от нетерпения, разворачивает фантик, а внутри — ничего...

— Слишком уж ты доверчив, Кирилл, — говорит воспитательница, передразнивая.

Кирилл не понимает, что ей не понравилось, но не это его расстраивает.

Потом он и сам порой угощал подружек такими «конфетками» — корпорация «Невский завод», производящая джемперы для всей Солнечной системы, выпускала в помощь любителям нехитрых розыгрышей всякие штуковины с использованием формованных силовых полей.

Но тогда, при знакомстве с Мамой Зиной, он знать не знал о конфетах-пустышках. Фантик с медведем был так красив! А разочарование столь велико, что слезы сами брызнули из глаз.

— Э-э, да ты, у нас оказывается, плакса! — сказала Мама Зина осуждающим тоном. — Кто слишком часто слезы льет, тому Единый счастья не дает.

Обида тут же обратилась в злость на обидчицу, слезы мгновенно высохли, и это не укрылось от глаз опытной воспитательницы.

— Э-э, да ты, оказывается, еще и злючка. — Мама Зина покачала головой. — Ну, пойдём, я тебе покажу, где ты будешь спать. — Воспитательница протянула новичку мягкую руку.

Кирилл попытался укунить ее за палец, но Мама Зина была наготове. Сильные пальцы стиснули щеку злючки словно клещами, и Кирилл едва не завопил от боли. Но не завопил — детский умишко каким-то образом сообразил, что лучше вытерпеть. И мальчишка вытерпел. Лишь зубами скрипнул.

— Терпеливый, крысеныш, — удовлетворенно сказала воспитательница.

Клещи отпустили щеку Кирилла.

И тогда он не выдержал — все-таки заплакал.

— К ма-а-аме хочу... К ма-а-аме...

— Не реветь, крысеныш! — скомандовала воспитательница. — Я теперь твоя мама. Я и Мама Ната. Не та мать, которая родила, а та, которая вырастила, — добавила она не очень понятную для Кирилла фразу.

Испуг прошел, мальчишка перестал плакать. Мама Зина взяла его за руку и повела по коридору со светло-зелеными стенами. Коридор был не очень длинным, и вскоре они оказались в комнате, где стены тоже были зелеными, но другого оттенка. В комнате стояло несколько маленьких кроваток — Кирилл тогда умел считать только до трех.

Мама Зина подвела его к одной из кроваток, в углу, застеленной зеленым же одеялом.

— Тут ты будешь спать. А сейчас пойдём знакомиться с другими детьми. Ты помнишь, как меня зовут?

Кирилл, само собой, помнил.

— Зина.

— Не Зина! — Пальцы-клещи угрожающе нависли над его лицом. — Мама Зина... Так как же меня зовут?

— Зина!

— Ах ты маленький упрямец! — Воспитательница вновь стиснула его щеку, теперь другую, да так, что Кирилл взвизгнул:

— Не надо!

На этот раз слезы удалось сдержать; он и сам не понимал, каким образом, — просто не заплакал.

Воспитательница отпустила щеку и вновь спросила:

— Так как же меня зовут, крысеныш?

— Мама Зина, — вынужден был сказать Кирилл.

— Так-то, маленький упрямец. — Воспитательница снова взяла его за руку. — Пойдем знакомиться с детьми.

Кириллу привели в другую комнату, стены которой были окрашены в желтый цвет. И мальчишка увидел тех, с кем ему предстояло прожить следующие двенадцать лет. Правда, тогда он этого не знал. И совершенно не запомнил, как познакомился с Мамой Натой, хотя вскоре именно с нею в его мыслях ассоциировалось слово «мать».

Много позже он увидел голограмму своей настоящей матери. На могильной плите — когда Мама Зина сообщила крысенышу, где похоронены его родители, Кириллу было уже восемь. Он стоял перед могилой и, глядя на изображение женщины, запечатленное в триконке, — красивое круглое лицо, улыбающиеся серые глаза, длиннющие, как вечерние тени, ресницы, ямочка на подбородке, — мысленно спрашивал: «Почему же ты заболела? Почему так рано умерла?»

А потом Мама Зина объяснила Кириллу, что мать его умерла не от тяжелой продолжительной болезни, как ему говорили. Собственно, это и вовсе была не болезнь... Все очень просто: Екатерину Кентаринову прирезал кухонным лазерным ножом очередной сожигатель, когда она в пьяном угаре приволокла в постель внеочередного. Именно так выразилась Мама Зина, и Кирюша возненавидел ее, и стала она впредь уже не Мамой, а Стервой Зиной, и в скукоженную душу приютского крысеныша влился еще один ручеек злобы...

В общем, злоба стала для мальчишки сродни детскому — острому и непреходящему — желанию играть. Кирилл всегда на кого-нибудь сердился. То на Жердяя Севку, бывшего тремя годами старше и до тех пор отбировавшего сладкое у воспитанников из младшей группы, пока они не научились съедать свою порцию за столом, а не уносить куски в карманах, хвастаясь, кто дольше вытерпит и не съест... То на Маму Зину и Маму Нату, когда они ставили Кириллу, не желающего произносить перед трапезой обязательную молитву Единому Богу, на колени в Темный Угол, который отгородили в игровой, чтобы наказанному было слышно, как другие в это время играют. Или отправляли в карцер за то, что отметелил вечно дразнящегося Петьку-Мартышку... То на Доктора Айболита, которого на самом деле звали Сергеем Ивановичем Неламовым за то, что он делал Кирюше больные уколы, когда тот простужался.

Именно Доктор Айболит сказал как-то, что «на сердитых воду возят», посоветовал держать злобу при себе и даже объяснил, как это сделать.

«Когда начинаешь злиться, — говорил он, — вспомни что-нибудь хорошее. Вкусную шоколадную конфету, которую дарит, навещая детей, патронесса приюта. Хорошую погоду, когда выпускают на улицу...»

Кирилл вспоминал. И поначалу злился. На вкусную конфету за то, что ее не было в кармане. На хорошую погоду, потому что она часто устанавливалась в те дни, когда надо учиться, и непременно портилась, когда приходил долгожданный выходной.

Тем не менее, в конце концов, он научился загонять злобу поглубже, откуда она не могла вырваться мгновенно и натворить дел, за которыми следовало неотвратимое наказание.

Доктор Айболит называл это аутогенной тренировкой и утверждал, что любой человек — хозяин своих чувств.

Именно Айболит первым посоветовал взрослому Кириллу Кентаринову пойти после приюта в Галактический Корпус.

4

Чтобы не злиться на Спиру, Кирилл прибегнул к аутогенной тренировке — вспомнил, какая физиономия была у Дога, когда тот стоял перед триконкой с гириями. Морда лица красная, кулаки сжимаются и разжимаются, разорвал бы автора, кабы в теме был — кто... Кишка тонка! А вот курсант Кентаринов, в отличие от ротного капрала

Гмыри, в теме дальше некуда!

И весь остаток дня Кирилл раздумывал: стоит или не стоит идти к Догу. Едва сопло не рвал. И в конце концов решил: не стоит... Угрозы ротного могли быть пустым трепом, и хорош он будет, курсант Кентаринов, если купится на такой летучий мусор! Вот если Гмыря и на самом деле начнет выделяться, тогда посмотрим. В конце концов, оказаться крайним никогда не поздно. Ржавые пистоны никуда не убегут... А может, капраловы черные обещания — и вообще проверка боевого духа подчиненных. Мол, поглядим: не найдется ли среди личного состава мозглячок, который бросится стучать на товарищей из простой боязни обещанных с воспитательной целью придинок...

Не-е-е, капрал, нашего брата на такой мусор не заловишь!

Стерва Зина, помнится, на полдня поставила его в Темный Угол, чтобы выяснить, кто узнал пароль и заказал по сетевому снабжению шоколад, вишневый сок и булочки со сливками. Но ни Кирилл, ни Степка Яровой так и не признались. Это потом уже Степка проболтался, исключительно сдуру. Именно проболтался, а не признался. Слишком глупы они были, чтобы распознать хитроумную ловушку, когда Стерва Зина предложила решить задачку по режимам сетевого снабжения... Ведь ни Степке, ни Кириллу и в голову не пришло, что о режимах знают только те, кто пользовался приемным ресивером, а детей к ресиверам не подпускают. Кирилл бы тоже проболтался, но Стерва Зина задала Степке задачу раньше, а прочих, когда Степку словила, и проверять, дура, не стала. А Степка — про Кирилла ни слова не сказал...

И склониться сейчас перед Догом было все равно что выдать Степку. Но, с другой стороны, ротный капрал мимо мишеней палить не будет — уж коли обещал курсантам ржавые пистоны, то за ним дело не станет...

В размышлениях прошли занятия по стрелковому вооружению и тактической подготовке. В размышлениях прошел обед и короткое послеобеденное личное время. В размышлениях прошли тренировки второй половины дня и строевые экзерсисы. Решая тактические задачи, поглощая наперченный борщ со сметаной и печатая строевой шаг на плацу, Кирилл ломал голову — ждать, пока неприятности обойдут тебя стороной, или идти им навстречу?

Оторвал парня от этих мучений вызов.

Кирилл сидел после ужина в курилке (внешне — вместе с товарищами; внутренне — один на один с собственным «я»), когда рядом вспыхнул в воздухе видеопласт.

— Курсант Кентаринов! — В видеопласте появилось изображение прапора Оженкова.

В первый момент Кирилла потрянуло стрёмом, но потом он вспомнил, какой сегодня день, и успокоился: Оженков должен был вызвать его в любом случае. Иначе с какой стати курсанту заявляться к прапору без вызова?..

— Я! — Кирилл вскочил со скамейки и вытянулся.

— Ко мне!

— Есть!

«Ко мне» в данном случае означало «в комнату прапорщика». И вовсе не за ржавыми пистонами!

Кирилл едва не бежал по песчаной дорожке, и тени тянулись перед ним, как указующий дорогу перст. Ветерок шевелил листву платанов, высаженных вдоль дорожек. Душу парня снедало предвкушение. Не худшее чувство из тех, что существуют в жизни. И уж всяко много лучше того, что испытывает Спиря ко Ксанке, пропади она пропадом, в самом-то деле!..

Едва Кирилл приблизился к двери Оженкова, она приглашающе распахнулась. Кирилл вошел, вытянулся, доложил по уставу:

— Господин прапорщик, курсант Кентаринов по вашему приказанию явился!

Оженков молча кивнул в сторону шеридана. Кирилл сел в кресло, протянул руки к виртуальной клавише и, набрав серию паролей, перевел на «до востребования» двадцать

кредов со своего счета. Потом привычно просмотрел уже открытый прапором каталог предложений и сделал выбор на следующий раз:

— Модель тринадцать-пятьдесят.

Оженков кивнул и, достав из сейфа «шайбу», заказанную Кириллом неделю назад, сказал:

— Странный вы парень, курсант! Там, — он кивнул в сторону окна, — их сотни, и любая ни стоила бы ни гроша.

— Любая мне не нужна, — ответил Кирилл, стараясь, чтобы не выдать голосом предвкушение. — А подходящей не находится.

— Уж больно вы привередливы, Кентаринов! — Прапор протянул «шайбу» на раскрытой ладони. — Разоритесь!

— Помирать — так с музыкой, любить — так королеву!

Эту фразу Кирилл не раз слышал от Спири. Под королевой тот, разумеется, понимал исключительно Ксанку.

— Ну-ну! — хмыкнул прапор. — Пока есть деньги, будут и королевы.

— Пока мы живы, деньги будут!

Прапорщик хмыкнул:

— Деньги будут, пока руки-ноги целы.

— А без рук-ног и деньги не понадобятся!

Прапор снова хмыкнул и промолчал. И правильно сделал — Кириллу сейчас не нужны были воспитательные речи. От предвкушения едва не трясло.

Кирилл сжал «шайбу» пальцами и снял с ладони Оженкова. «Шайба» была гладкой. Будто аккумуляторная батарея от трибэшника...

Душа тут же запела.

— Разрешите идти?

— Ступайте, курсант. До отбоя времени достаточно. Личный час...

Кирилл отдал прапору честь и ринулся в сторону санблока. Дрожа от возбуждения, ворвался в раздевалку душевой, скинул одежду и, сжимая в потной ладони «шайбу», влетел в кабинку туалета. Пальцы тряслись так, что он едва не выронил гладкий кругляш. Даже на сердце похолодело — удар о пол означал бы, что два десятка кредов выброшены на ветер... Впрочем, причем тут креды? Мечта дороже денег, а несбывшаяся мечта дороже любых денег! А сбывшаяся... Сейчас... сейчас, парень... Запереть дверь кабинки... И воткнуть хоботок «шайбы» в штек над правым ухом...

— Как же долго я тебя ждала, мой сладкий!

Голос звонкий, любящий и ласковый...

А вокруг уже не было покрытых белой глазированной плиткой стенок туалетной кабинки. И толчка с подмывалом — тоже не было.

Вокруг был оклеенный фиолетовыми обоями будуар и мягкая белоснежная перина. И неяркий свет торшера в углу. И грива черных шелковых волос. И черное же полупрозрачное белье на белой упругой плоти.

Кирилл утробно рыкнул, повалил жаркое упругое тело на мягкое ложе и, раздрав бархатистый на ощупь бюстгальтер, коснулся дрожащими губами коричневого соска, растущего на глазах, твердеющего. И впился в него, как клещ...

Час личного времени — это очень, очень, очень много, когда нечего делать. И слишком мало, когда имеется любимое занятие!

5

Мама Ната была полной противоположностью Стерве Зине. Нет, пожалуй, не просто противоположностью, — она словно родилась в другом мире. Там, где Зина брала окриком и давлением, Нате достаточно было просьбы и негромкого голоса. Разница в характерах воспитательниц много лет удивляла Кирилла. Он не понимал, как в одном

доме могут жить настолько разные женщины. Для мальчишки воспитательницы казались частью приюта, плоть от плоти его, и, разумеется, они должны быть похожи друг на друга. Как были похожи сестры Бареевы, близняшки, появившиеся в приюте после Кирилла, но уже через год забранные оттуда матерью. Как же им завидовал Кирилл! Даже когда узнал, что женщина, с которой уехали сестры, на самом деле вовсе не родная их мать, а приемная.

Зина и Ната хоть и назывались мамами, но ими не были. И Кирилл никогда не забывал об этом. Много позже он понял, что Стерва Зина пыталась играть для детей роль отца. Зачем ей это было надо, так для Кирилла и осталось неясным. То ли такова была ее натура, то ли она просто пыталась хоть в какой-то степени давать детям мужское воспитание. Наверное, она была не слишком умна. Потому что ей и в голову не приходило, что на самом деле мужское воспитание давал приютским крысенышам Доктор Айболит. И по большому счету не имело значения, что общался он с детьми не каждый день и не часами. Просто от Айболита исходило нечто такое, чего никогда не исходило от Мамы Зины. Она могла сколько угодно ругаться и наказывать, но ей было далеко до Доктора Айболита. Даже оплеухи, которые она порой раздавала, не превращали ее в отца. И тем не менее она очень отличалась от Мамы Наты. Кирилл иногда просто поражался, насколько разными могут быть две ровесницы, родившиеся в одном городе и, судя по их рассказам, жившие в одном районе и учившиеся в одном классе, а потом в одном педагогическом училище. Поражался Кирилл до тех пор, пока вдруг не понял, что вообще все женщины разные. Нет, ни ростом, цветом волос или хрипкостью либо певучестью голоса. То есть, и этим — тоже. Но главное — отношением к окружающим, друг к другу, к нему, Кириллу. И девчонки в приюте были разные. Одни — как Милка Рубиловская — в ответ на то, что ты дернул их за косичку, начинали плакать и бежали ябедничать к мамам. Другие — как Ритка Пospelова — изо всех своих вшивеньких силенок пытались дать сдачи, рыча и кусаясь. И даже если ты с нею в конце концов справлялся, потому что силенок у нее не оставалось, царапины еще долго украшали физиономию обидчика.

Как-то, в очередной раз схватившись с Риткой не на жизнь, а на смерть, повалив ее и притиснув к полу, он, пыхтя и выкручивая девчоночью руку, вдруг понял, что Ритка, при всем ее умении драться, отличается от него гораздо больше, чем он думал. Нет, конечно, приютские дети рано узнают, чем девочки отличаются от мальчиков, но это отличие до поры до времени если и вызывает интерес, то чисто познавательный. И воспринимается как нечто совершенно привычное — как солнце на небе, как скрипящая дверь в кладовке, как тепло, исходящее от Мамы Наты, когда сидишь у нее на коленях...

Но тут Кирилл почувствовал, что в этом отличии есть нечто ранее совершенно неведомое, для объяснения чего и слов-то сразу не подберешь. А может, их и нет вовсе, этих слов...

Потрясенный этим открытием, он перестал выкручивать Ритке руку, и она одним махом могла расцарапать ему всю физиономию. Однако не расцарапала. Судя по всему, она тоже почувствовала его открытие и то, что открытие это связано с нею, потому что вдруг замерла под ним и только бурное дыхание, с которым она не могла справиться, напоминало о том, что эти двое только что бились друг с другом не на жизнь, а на смерть.

И Кирилл, сам не понимая зачем, вдруг коснулся губами ее рта.

— Дурак, — прошептала она полуудивленно-полуиспуганно. — Я Маме Зине скажу.

Он вовсе не испугался, что она наябедничает; просто полученные ощущения были настолько новы, что он должен был прежде осознать, что с ним произошло. Да и с нею, Риткой, — тоже. Потому что если бы с нею ничего не произошло, она бы расцарапала ему лицо, а не затаилась мышкой. Та, старая Ритка, никогда бы не отказалась от такого удовольствия — пустить кровь сопернику.

Ничего она Стерве Зине не сказала, ни в тот день, ни позже. И Маме Нате — тоже. Кирилл не знал этого наверняка, но почему-то был абсолютно уверен в ее молчании. Это

было что-то вроде тайны, о которой знали только они двое и не должен был знать никто третий. Ни Мама Ната, ни Стерва Зина, ни Милка Рубиловская, ни Степка Яровой... Оказывается, у мальчишки с девчонкой тоже может существовать секрет, о котором не скажешь даже лучшему другу.

Больше Кирилл никогда с нею не дрался. Всякий раз, когда они привычно начинали ссориться, он вспоминал ощущение от прикосновения к ее губам, и кулаки сами собой разжимались. Да и Ритка тут же переставала цепляться к нему.

Он не смог поднять на нее руку даже тогда, когда случилось то, что изменило его жизнь, лишило уверенности в себе и навсегда поселило в душе страх перед теми, кого природа не наградила мужским достоинством, зато обеспечила умением вить веревки из тех, кто этим самым достоинством награжден.

Он не смог ударить ее даже тогда, когда их новый секрет перестал быть их секретом. А она начала трепаться, даже не дав ему права на вторую попытку.